

Наталья Медведская

Невеста

A young woman with blonde hair and blue eyes, wearing a white lace wedding dress, stands on a road with mountains in the background. She has blood smeared on her face and shoulder.

Наталья Брониславовна Медведская

Невеста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72801697

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна всегда была впечатлительным человеком с богатой фантазией, поэтому не любила смотреть фильмы ужасов и читать книги о всякой нечисти. Слишком долго потом её воображение рисовало монстров за каждым деревом и кустом. Она не подозревала, что с самым большим страхом встретится, приехав на выходные к бабушке. Прежние опасения поблѣкнут перед настоящим ужасом, с которым она столкнѣтся. И то, чего она избегала и так боялась с самого детства, воплотится наяву. Чтобы сохранить рассудок и вернуться к прежней жизни, ей придѣтся выполнить просьбу необычной невесты.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Медведская

Невеста

Глава 1

Моей бабуле восемьдесят. Она не собиралась отмечать эту круглую дату, говорила, что приближающейся старостью не гордится. Она не ждала от меня ни подарков, ни праздничного торта. Обычно на наши именины мы сами пекли пирог, готовили, что-то вкусненькое и приглашали скрасить вечернюю единственную подругу Лину и её бабушку Фаю Гавриловну. Разница в восемнадцать лет между женщинами не играла никакой роли, они всегда находили общий язык. Наши бабули собственно и подружились благодаря нам. Аккуратно уложив в багажное отделение поверх пакета с продуктами торт, уселась на любимый скутер, который называла Коброй, за хищный вид и расцветку. Хотя у него имелось вполне безобидное наименование CORSA. Ну что за имечко для матового с зелёными росчерками солидного моцика. Ездить так на Кобре, а не на этой фигне. До хутора, где проживала моя бабуля всего пятнадцать километров, но это расстояние как от земли до луны. В десяти километрах от города, в котором я сейчас на пару с подругой снимала однокомнат-

ную квартиру, начиналась грунтовка с ямами и выбоинами. Стоило проехать ещё пару-тройку километров и всё становилось безлюдным: вокруг одни поля и лесополки, делящие их на квадраты. Последние два километра преодолевала чуть ли не ползком, объезжая рытвины. Самого хутора не было видно из-за разросшихся деревьев, он смотрелся сплошным лесным массивом. Почти параллельно грунтовки вилась речка с берегами, заросшими осокой и камышом. Огибая Дмитров, речка со смешным названием «Нюдя» бежала дальше к полноводной «Кубани». Докатившись по хорошему асфальту до поворота на хутор, я настороженно огляделась. Очень надеялась, что сегодня пронесёт и у меня на пути не появится злосчастная невеста. Пока этот дорожный призрак не понял, что я его вижу, он просто грустно стоял на развилке, устремив печальное лицо вдаль. Прозрачная девушка в свадебном платье обосновалась на этом месте спустя сорок дней после своей гибели. Несчастный случай произошёл год назад, и всё это время мне удавалось проскочить мимо призрака, не выдавая себя. Я вообще долго и удачно маскировалась, прикидываясь невидящей и не слышащей призраков. Даже моя бабушка не знала, что часть семейного дара мне всё-таки перепала. Она считала, что я пошла в непутёвого папеньку твёрдого материалиста и циника. Впрочем, и беспутная маменька не слишком верила в сверхъестественное, в наши редкие встречи она скептически относилась к умению бабули врачевать. И это притом, что по женской линии в на-

шем роду передавались особые умения, и бабушка, и прабабушка выливали испуг, снимали порчу, избавляли от заикания, энуреза, лечили «рожу» и разные кожные высыпания. Однажды, невольно, я услышала разговор бабули и соседки Марии Сафроновны о дедушке Павле. Навострив уши, я вся превратилась в слух, ведь о нём никогда не упоминали в нашей маленькой семье.

– Мне вчера приснился Павел, – глухо произнесла бабуля. – Давно не видела его во сне, нехорошо приснился. Стоит в яме по пояс в воде, весь в грязи, руки ко мне тянет и так горько, с болью в сердце говорит: «Что же ты меня бросила. Не похоронила нормально, холодно мне и плохо тут». Я проснулась с такой тяжестью на сердце, что вздохнуть нормально не могла.

– Думаешь, сгинул он? – произнесла Мария Сафроновна. – Разве Розка не уверяла всех, что видела его на вокзале, он в автобус садился, идущий в Майкоп. Вы тогда поссорились и он три дня дома не жил, в сторожке рыбоохраны ночевать оставался.

– Когда Паша после смены не явился домой, я его ещё сутки прождала, а потом, плюнув на гордость, сходила к сторожке. Думала, поговорим, обсудим всё. Пообещаю ему, что больше времени буду уделять семье, а людей меньше принимать. Но он даже слушать не стал. Потребовал совсем бросить лечение. Мы тогда накричали друг на друга. Ещё сильнее рассорились. Больше я его не видела. Исчез, будто испа-

рился. Документы всегда при нём были, поэтому решила, что он уехал, бросил меня с маленьким ребёнком. Что произошло на самом деле, не ведаю, только вот сны иногда снятся тревожные.

– Забудь. Ты его не простила, вот и плетётся во сне всякая мусть. Сколько Людке было, когда Паша пропал?

– Два года. Дочка его и не помнит совсем.

Так я случайно выяснила, что у меня был бы дедушка, если бы не сгинул.

Хотя маменька и посмеивалась над способностями бабушки, считала их дремучим шарлатанством, брать денежки, вырученные за лечение, не брезговала. Как говорится: нет пророка в своём отечестве

Я слышала о страшной гибели десятиклассницы Насти Даниловой. Девушку нашли на обочине дороги, почти на перекрёстке. Скорее всего, она вышла из школьного автобуса и направлялась к себе домой в хутор Василевский, расположенный в пятистах метрах от федеральной трассы. Перейти через дорогу она не успела, кто-то её сбил. Ушибы и раны на коже, разорванная одежда показывали, что тело девушки несколько метров протащило по асфальту. Виновника аварии не обнаружили, не смогли даже определить, что за транспорт погубил несчастную.

Бабушку я старалась проведывать хотя бы раз в неделю, скучала не только по ней, но и по тихой неспешной жизни в заброшенном хуторе Данилов. Когда-то он был отделением

большого колхоза миллионера, здесь имелась своя тракторная бригада, коровник, птичник, заготконтора, но главное, в хуторе прежде кипела жизнь, в домах жили люди. Сейчас же большинство строений стояли с заколоченными окнами, а сам Данилов обезлюдел. Кроме красивой природы и чистой речки больше ничего не имелось, даже маленького продуктового ларька. Раз в неделю приезжала автолавка, оставшиеся жители тянулись к ней, чтобы запастись самым необходимым. Доживать свой век в Данилове остались лишь пенсионеры, изредка им на каникулы подкидывали внуков и тогда улицы оживали, звеня детскими голосами.

Проехав перекрёсток, я настороженно оглядела дорогу и уже хотела выдохнуть с облегчением, как передо мной возникла Настя в окровавленном свадебном платье. От неожиданности я вскрикнула и совершила непростительную ошибку, вильнула в сторону, объезжая её. Тут же мгновенно переместившись, она снова появилась перед скутером. Я знала, что не причиню ей вреда и могу спокойно проехать насквозь, но не смогла и снова повернула. Какое-то время продолжалась наша страшноватая игра: Настя вставала перед скутером, я, как пьяная, избегая столкновения, виляла по дороге, пока не вымоталась окончательно. Смирившись с неизбежным, остановила скутер, повернулась к призраку.

– Что тебе от меня надо?

Я понятия не имела, умеют ли призраки вести диалог. То, что они бродят и что-то там себе шепчут, знала, но вот ра-

зумные ли потусторонние существа, или они просто остаточные фантомы душ не в курсе. Мне так сильно хотелось жить обычной жизнью, что я много лет тщательно избегала любого столкновения с призраками. Ведь если делать вид, что этого не существует, то его как бы и нет.

– Я хочу, чтобы ты отыскала моих убийц, – прошелестел голос Насти прямо возле моего уха.

Дёрнувшись, я обнаружила: призрак стоит ко мне вплотную. От Насти распространился промозглый ледяной воздух и это в тридцатиградусную июльскую жару. В такой напряжённый момент, в моей дурной голове промелькнула глупая мыслишка: призрак прямо как кондиционер.

– Не притворяйся, что не слышишь, – прошипела Настя.

В её тёмных бездонных глазах светились яростные злые огоньки. Одна сторона лица, счёсанная до кости, стала кроваво-чёрной. В рваной лохматой ране застряли крохотные камешки, кусочки травы и комочки земли. Впрочем, вся правая половина лица и тела выглядела ужасно, словно её повредила гигантская тёрка. Левая же половина осталась идеальной. Красивое свадебное платье целым, без пятен, кожа на руке и лице белая, нежная и гладкая.

– Почему платье изорвано? – неожиданно выпалила я, отступая. – Ты же когда пострадала, была в школьной форме?

Настя медленно повернула голову, на изуродованном лице появилась жутковатая усмешка.

– Тебя только это интересует?

Я вздохнула. Вот как чувствовала, стоит призракам понять, что я их вижу и слышу, сразу огребу кучу неприятностей и проблем. Вот уже первая нарисовалась.

– Я же не следователь, не сыщик, как отыщу того, кто сбил тебя? Даже полиция не смогла. А я сумею?

Лицо Насти, меняясь, поплыло, будто рябь по воде прошла. Через секунду она походила на себя ту, что я видела на фото. Белое платье снова стало целым, чистым и белым.

– Так лучше?

– Уф, значительно, – выдохнула я. – Стоило меня пугать, если могла сразу такой показаться?

– Стоило. Я ведь представлялась тебе разной: в школьной форме и в том, что теперь буду всегда носить. А ты что? Проезжала мимо. Тебе до меня не было никакого дела. А показалась так, сразу себя выдала. Права была Кира Семёновна, подсказывая обратиться к тебе, остальные отговаривали. Уверяли, что ты не мореница, слепа и глуха, как и остальные люди.

– Кто?

Настя с досады всплеснула руками как обычная девушка.

– Темнота! Служанка богини смерти Мары, Морены, Мораны. Её по-разному зовут. Люди, видящие мёртвых, находятся под покровительством этой богини. Но и обязанности у них имеются, они должны помогать ушедшим за грань, выполнять их последнюю волю. А ты всё это время скрывалась. Пришла на помощь лишь Кире Семёновне. Хорошо, что я с

ней увиделась. Она моя прабабушка.

От досады я взлохматила волосы руками.

– Точно ты же двоюродная сестра Вовки. Вот как чувствовала, что не стоило выручать соседей. Не смогла спокойно смотреть, как убивается тетя Клава, не утерпела, подсказала, где бабушка Кира спрятала деньги от продажи дома. Вовку пожалела, ему требовались дорогие лекарства. И вот чем всё вылилось. Спустя двенадцать лет явилась ты и требуешь найти убийцу.

– Вообще-то убийц. Их двое. Да ты не следователь, но у тебя есть самый важный свидетель. – Настя ткнула себя в грудь. – Я.

– Двое? И ты их знаешь?

– Не совсем. Видела, когда они приезжали в нашу школу к старшекласснице Ларисе Петуховой. Девчонки говорили: с одним из них она встречается. Я вышла из автобуса и хотела перейти трассу. Навстречу мне двигался чёрно-синий питбайк с двумя парнями. Я не ожидала, что проезжая мимо меня, тот, кто сидел сзади, схватит за ручку моей сумки. К несчастью, я повесила её не на плечо, а через голову. Он потянул за ручку, меня рвануло следом за мотоциклом. Я упала на асфальт. Сквозь боль слышала, что мотоцикл взревел. Какое-то время меня тащило за питбайком. Тот, кто сидел позади водителя кричал, чтобы остановился. Не знаю, может, он не слышал или не сообразил, но продолжал ехать вперёд. Моя кошмарная поездка закончилась, когда ручка

сумки оборвалась. Я упала и была ещё жива, когда они подошли ко мне.

– Мирон, охренел? Что ты натворил! Зачем схватил девочку? – сказал один из парней.

У меня кружилась голова, всё тело и лицо горели огнём. Последними звуками на земле была фраза второго парня.

– Я хотел пошутить. Что нам делать? Нас теперь посадят?

Больше ничего не слышала, меня поглотила тьма. Очнулась в каком-то белесом мареве. Сколько я бродила в этом тумане не знаю. Голос мамы позвал меня. Пойдя на её горький плач, обнаружила себя в комнате рядом с собственным гробом. Я не сразу осознала, что случилось. А когда поняла, меня охватил гнев. Почему именно со мной это произошло? Чем я заслужила? Я всё видела и слышала, но меня никто не замечал. Ты даже не представляешь, насколько это невыносимо и страшно испытывать такую беспомощность. Ни до чего не дотронуться, никого не дозваться и не докричаться. Меня несколько раз выбрасывало в молочную пустоту, но я опять и опять прорывалась к родителям. Для меня проходили минуты, а на земле дни. Я попадала то на свои поминки, то на девятый день, то на сорокой. А потом меня куда-то поволокло с неодолимой силой, но я не хотела уходить, уже выяснила, что моих убийц так и не отыскали, Они остались безнаказанными! – выкрикнула Настя. – А поклялась, что не уйду, пока не увижу от тех, кто меня погубил настоящего искреннего раскаяния. В моём безвременье возникла пра-

бабушка Кира, она и подсказала, что делать дальше. Долгие месяцы я пыталась привлечь твоё внимание.

Я хмыкнула.

– Понимаю, хотела, чтобы я тебя заметила, но зачем пугала водителей? За год на перекрёстке произошли четыре аварии с участием мотоциклистов. Хорошо хоть не со смертельным исходом, но ведь безвинные люди пострадали. Так из потерпевшей ты превратишься в обвиняемую?

Настя недовольно покосилась на меня.

– Я не нарочно. Материализуясь перед двухколёсным транспортом, хотела отыскать или тебя, или своих убийц. Я не виновата, что некоторые люди замечали меня на дороге.

Я усмехнулась.

– Не только замечали, ты превратилась в местную легенду об убитой невесте. Кстати, почему ты появляешься в свадебном платье, да ещё и окровавленном?

– Это мой наряд теперь. В чём похоронили в том я и хожу. Но иногда из-за эмоций на коже проявляются мои предсмертные раны, а платье превращается в лохмотья.

– Неужели и призраки испытывают эмоции?

– Ещё какие. Больше нам ничего не остаётся, – проворчала Настя. – Как, по-твоему, я говорю с тобой?

Я нахмурилась.

– Не понимаю. Как обычно.

Лицо Насти скривилось в недоброй ухмылке.

– Это ты болтаешь вслух, а я залезла тебе в голову. О мен-

тальном общении слышала?

Я оторопела. Хлопнув себя по лбу, подумала, что от стресса и неожиданного общения с призраком даже не заметила этого. Вслух же произнесла:

– Ты любому проникнешь в мозг?

– Думаю да. Прабабушка предупредила, чтобы я не навевала людям кошмары, неупокоённых духов за это карают. Такое можно делать лишь для наказания виновных.

– Почему ты всегда ждала меня на дороге.

Настя покачала головой.

– Аня, ты так несведуща для мораницы. Я тут погибла. И просто так не могу уйти отсюда. Призраки несвободны, мы привязаны к определённым местам.

Глядя в белое, как алебастр, лицо Насти, я поймала на нём странное выражение, как будто она что-то от меня скрывала и боялась, узнав это, я здорово разозлюсь.

– Ладно, – я решила закончить разговор, – раз мы всё выяснили, помогу тебе. Нет никакого желания и дальше встречать на дороге призрака. Начну действовать, но не сегодня. Сейчас мне надо ехать, у моей бабули именины. – Сев на скутер, повернув ключ в замке зажигания, вдруг вспомнила. – Если будут какие-то сведения для тебя, мне сюда подъехать?

Улыбка Насти мне совсем не понравилась.

– Не нужно, – тихо прозвучало в голове. – Стоит тебе позвать – я рядом.

Окинув взглядом начавшего таять призрака, я возмути-

лась:

– В смысле рядом? В чём подвох?

Прозрачная, почти ставшая дымкой Настя ответила:

– Как только ты дала согласие помочь, привязка к месту исчезла. Теперь ты моя путеводная нить. Я буду с тобой. Да вот ещё... совсем забыла. У парня, схватившего мою сумку, между указательным и большим пальцем имеется татуировка: скорпион.

– Блин! – вырвалось у меня. – Как знала: нельзя с призраками связываться. И как долго мне терпеть тебя?

На обочине дороги больше никого не было, но голос Насти явственно произнёс:

– Выполнишь миссию мораницы – я исчезну.

Ругая себя, я отправилась преодолевать последние несчастные пять километров, на которые тратила больше времени, чем на всю дорогу от Гулькевичи. Собственно из-за этой грунтовки я и купила скутер, на нём удобнее объезжать препятствия по проплешинам. А также, вихляясь, как матрос, сошедший на берег после долгой морской вахты, ловчее попадать на узкие промежутки между колдобинами. Если моя подруга Лина копила деньги на профессиональную ударную установку, то я на свою Кобру. Отказывая себе во многом, целый год мы складывали копеечку к копеечке для исполнения мечты. Будучи обе воспитанницами бабушек и не имея особой поддержки, после окончания одиннадцатого класса мы поступили в один педколледж, но на разные фа-

культеты. Я на «Дошкольное воспитание», Лина на «Музыкальную деятельность». Будущую специальность воспитателя я выбрала осознанно, не хотела постоянно сталкиваться с призраками и потусторонними сущностями, возле взрослых они частенько обретались, тогда как рядом с детьми мне было тихо и спокойно. Сыграло и то, что я не устаю от малышей, нравится возиться с ними. Лине же все равно где заниматься музыкой, лишь бы оставалось время на любимые барабаны. Подруга с детства на них помешана. Всё началось с того, что лазая в поисках сокровищ на чердаке заброшенного дома, мы отыскивали сдвоенные барабаны разного размера. Позже выяснили, что нашли кубинские бонго¹. Притащив домой, мы их опробовали. Я немного позабавлялась и остыла, а Лина увлеклась. Даже уговорила бабушку отдать её в музыкальную школу в Соколовку. В это село каждый день нас шестерых хуторских детей отвозил школьный автобус. Но так как в музыкалке никто не учил игре на барабанах, пришлось Лине осваивать их самой. Мне нравилось слушать, как она отбивает сложные ритмические паттерны, с каждым разом у неё получалось всё лучше и лучше. Моя невозмутимая, уравновешенная, спокойная подруга превращалась в ураган. Как-то она играла, а у меня было фиговое настроение и, чтобы отвлечься, я начала танцевать. Полчаса дикой

---

¹ Бонго – небольшие кубинские парные барабаны. Состоят из малого и большого барабанов, соединённых вместе. Малый барабан – мачо(мужчина). Большой барабан – эмбра (женщина)

пляски и печали забылись. С тех пор повелось: Лина играет, я танцую. Обоим хорошо: весело и нескучно. Моя бабуля как-то наведальась к нам в сарай, который мы превратили личный музыкальный салон, увидев мои пляски, похвалила.

– Для здоровья отличная тренировка. Только вот, кроме цыганочки, остальные танцы какие-то все мужские.

Мне и Лине стало смешно. Ну не вальс же под барабанный ритм выдавать. Лезгинка, чардаш², жок³, джигга⁴, шалахо⁵ самое то. Да и мне это нравилось, стоило Лине взять палочки в руки, так от звука барабана у меня начинали дрожать и пружинить все мышцы тела. Поначалу я выдавала, как умела, вспоминая движения, подсмотренные по телевизору. Потом в библиотеке отыскала книгу и стала учиться по ней. Для меня танцы, для Лины игра на барабанах стали способом особой релаксации. С её помощью мы сбрасывали напряжение, унимали обиды, забывали неприятности. А их в школе хватало. Именно наше хобби в пору учёбы в педколледже помогло заработать деньги на покупку Кобры и барабанов. Мы зажигали на свадьбах, поднимали настроение гостям, увлекали их на танцпол своим примером.

---

² Чардаш – **традиционный венгерский народный танец**. Название происходит от венгерского слова «чарда» – «корчма», «трактир», «постоялый двор».

³ Жок – молдавский и румынский народный танец. Движения очень динамичные.

⁴ Джигга – быстрый старинный британский танец кельтского происхождения.

⁵ Шалахо – армянский народный танец. Однако о его происхождении спорят несколько народов: шалахо считают своим **грузины и азербайджанцы**.

Объезжая промоины, прыгая на ухабах, я наконец-то добралась до дома бабушки. Во дворе под беседкой, оплетённой зелёными ветвями актинидии⁶ был уже накрыт стол, за которым сидели три пожилых женщины: моя бабуля, бабушка Лины и соседка Мария Сафроновна.

Поставив скутер в сарай, я достала покупки из багажника.

– Добрый день дамы, – поприветствовала их. – Уже отмечаете?

Бабуля улыбнулась.

– Только сели, уж больно проголодались. Я как чувствовала, что ты уже на подходе.

Обняв именинницу, вручив подарок, сполоснула руки под краном в саду. Усевшись за стол, положила себе на тарелку мясо с картошкой. Утолив первый голод, украдкой оглядела подруг своей бабули. Бабушке Лины, Фае Гавриловне, шестьдесят два. Но по внешнему виду она не сильно отличалась от семидесятилетней Марии Сафроновны. У обеих сквозь крашенные волосы проглядывает седина, морщинки вокруг рта и глаз, бледные почти бесцветные губы, тонкая кожа. Моя Раиса Устиновна сейчас выглядела лишь чуточку старше подруг, но не намного. Удивительным образом она перестала стариться, словно законсервировалась в одном времени. Бабуля Рая до сих пор собирала вишню и черешню не только снизу или на лестнице, но и как обезьяна, переби-

---

⁶ Актинидия Коломикта – **декоративная** древовидная лиана с оригинальной листвой, меняющей свой цвет несколько раз в течение сезона.

раясь с ветки на ветку. Всем бы так стареть. Я бы точно хотела. Мы с ней похожи: карими глазами, небольшими прямыми носами, тёмно-русыми волосами. Правда, у меня пряди высветлены искусственно, а у бабушки Раи побелели естественным образом. Мы даже одного роста только три сантиметра не дотянули до ста семидесяти. Я редко видела её в плохом настроении, она почти всегда в согласии с собой и миром. Раздражение у неё вызывала разве что моя непутёвая маменька, но она появлялась редко, так что это не считается. Грустить Раиса Устиновна иногда изволила, но не чаще раза в год. Говорила, что некогда ей меланхолией заниматься, работы много, да и люди не дают скучать. Это точно. К бабуле не зарастает народная тропа. Даже по нашему бездорожью страждущие исцеления ежедневно к ней навещают. Новости о лекарке в опустевшем хуторе народное радио передаёт исправно. Отчаявшись вылечиться традиционно, к ней приезжают даже из других районов края. Одним она помогает, другим отказывает. Однажды я слышала, как бабуля сердито выговаривала молодому парню.

– Иди к врачам. Никакой лекарь не вылечит рак травами и заговорами. Не делай глупости, не занимайся самолечением, не слушай шарлатанов, делай, как говорят доктора. Я не так много знаю, но с моими умениями справиться с твоей болезнью невозможно. Уверяю, у тебя долгая жизнь, не сокращай её по своей дурости.

Я услышала дрожащий голос посетителя.

– Я точно буду жить?

– Точно. Тебе ещё многое предстоит сделать. Иди.

С детства я привыкла, что у нас во дворе постоянно находится кто-то чужой, поэтому не обращала на гостей внимания. Бабушка для приёма больных выделила в доме специальную комнату и не разрешала мне заходить, пока не очистит её от негативной энергии.

Я тряхнула головой, прогоняя воспоминания.

После пары рюмочек вишнёвой наливки, бабульки на разные голоса затянули старые песни.

«Странное дело, – подумала я. – голоса звучат, как у молодых, звонкие и чистые, будто совсем не подвержены времени».

Подпевать я им не стала, чтобы не портить мелодию. Когда разговариваю, то голос у меня нормальный, но стоит запеть, откуда-то появляется хриплость, словно я его прокурила.

– Эх, девчата, а годы-то мчатся. Моих ровесников в хуторе раз-два и обчёлся: я, Санька и Варвара, – сказала моя бабуля, вздыхая. – Грустно смотреть на хиреющий хутор, но ещё печальнее видеть, что всё меньше тех, с кем росла.

Я встала, обняла её и легонько пожурила:

– Раиса Устиновна, вам не идёт угрюмый и унылый вид, улыбка больше к лицу.

– Эх, нет тут моей Линки, – с досадой произнесла Фая Гавриловна. – Счас бы она нам отбарабанила, а Анька спляса-

ла. – Повернувшись к Марии Сафроновне, командовала: – давай нашу любимую.

Бабушки бойко затанули «Эти глаза напротив»⁷.

Я прямо заслушалась.

Всё было отлично: приятная компания, вкусная еда, хорошее настроение, но что-то мешало полностью насладиться тёплым вечером. Время от времени ледяной сквозняк проскальзывал у меня, то за спиной, то с боку, и мерещилось чужое присутствие. Да и бабуля немного странно на меня поглядывала.

Поднявшись из-за стола, отправилась на кухню ставить на плиту чайник, пришло время для моего торта. В неосвещённую комнату в небольшое окно заглядывала полная луна, бросая блики на линолеум и столешницу. Потянувшись к выключателю, я бросила взгляд на окно и вздрогнула, за стеклом, разделённым на квадраты, белело лицо Насти.

Вот что она имела в виду, говоря, что будет рядом. Чёрт! Только этого не хватало. Вот почему я ощущала струйки холодного воздуха и чужой взгляд. Давно знала, что призраки чаще всего безобидны и не способны навредить, но как же неприятно находится под навязчивым наблюдением. Конечно, я слышала и о злобных призраках, одержимых мстью или жаждой убийства, но это редкость, простые при-

---

⁷ Песня 1970 года композитора Давида Тухманова на слова Татьяны Сашко. Первый исполнитель – Валерий Ободзинский. Стала шлягером в начале 1970-х годов.

зраки не несут человеку зла. Мне было шесть лет, когда я впервые осознала: прозрачных людей, изредка встречаемых мной, вижу только я. До этого пребывала в полной уверенности: это обычное явление и его наблюдают многие, что-то вроде птичек, облаков на небе или тумана. Откуда мне знать, что я странная девочка. Бабушка, вероятно, тоже меня считала ничем непримечательным ребёнком, поэтому никогда не заговаривала о чём-то сверхъестественным. К тому же я не давала повода, никак не отличалась от других детей. Я понимала, что моя бабуля знахарка, видела людей, приходящих к ней, но это никак не меня касалось. В детский сад, находящийся в ближайшем село Соколовка, я не ходила, как и мои друзья-ровесники Лина Анкитова и Вовка Самохин. Бабуля смеялась, называя нас неразлучниками. Проснувшись, проглотив завтрак, Вовка бежал к нам во двор. При виде его весёлого, густо усеянного конопушками лица, синих, как васильки глаз, и торчащих во все стороны рыжих волос, у меня всегда поднималось настроение. Набрав в карманы пирожков, мы уже вдвоем мчались за Линой. В отличие от моего немного шептутного характера, её был спокойный и рассудительный точно в соответствии с нордической внешностью холодной блондинки с голубыми глазами. Целыми днями мы шастали по улицам, забирались в начавшие пустеть дома, играли на песке, строили на ручье запруды из веток и грязи. В общем, весело проводили время. И так было до одного случая. В нашей тихой речке Нюдя с её пологими берегами и

мелководьем без особого присмотра купались даже мы малышня. Ребята чуть постарше успешно переплывали речку, соревнуясь между собой. В пору моего детства в Дмитрове ещё оставались дети. На единственном песчаном пляже те, кто постарше играли в мяч, плавали наперегонки, кто помладше барахтались у берега, лепили из песка замки. Никто не заметил, как скрылась под водой девочка с необычным для деревенского слуха именем Сабрина. В шуме и гаме не услышали её криков о помощи, а может, их и не было. Подруга Стася, с которой Сабрина пришла на речку купаться, заволновалась спустя некоторое время. Не обнаружив Сабрины, Стася стала бегать по берегу, спрашивая у остальных ребят, не знают ли они, где её подруга.

– Я осталась загорать, а Сабрина решила немного понырять, – объяснялась она, дрожащими губами. – Больше я её не видела.

– Может, она пошла домой, а тебе не сказала, – предположил кто-то.

Вечерело. Я, Лина и Вовка отправились домой. А на следующий день мы узнали: Сабрина утонула. Когда она нырнула, её пышные длинные волосы зацепились за большую корягу, лежащую на дне. Там было не так уж и глубоко, но выбраться она не сумела. Водолаз обнаружил несчастную девочку быстро, не пришлось даже долго исследовать реку. Известие переполошило весь хутор, на какое-то время взрослые запретили детям купаться, но спустя месяц всё верну-

лось на круги своя.

Отправляясь на похороны Сабрины, бабуля, зная мою впечатлительность, не стала брать меня с собой, чему я только обрадовалась. Меня и так потрясла гибель Сабрины, я без конца представляла, как она мучилась под водой – пару ночей даже не могла нормально спать. Я сидела за столом под беседкой, раскрашивала рисунок, когда во двор зашла Фая Гавриловна с Линой и Вовкой.

– Раи уже нет? Без нас отправилась к Даниловым?

Я кивнула.

– А ты чего сидишь одна? Правильнее было бы проводить девочку в последний путь. Сабрине будет приятно увидеть друзей, попрощаться с вами.

Я оторопела.

– Она же мёртвая. Как она будет с нами прощаться?

Фая Гавриловна вздохнула.

– Ну ненатурально прощаться. Просто так говорят. Приходя на похороны, таким способом люди выказывают уважение покойнику. Считается, что душа усопшего остаётся на земле сорок дней, и она всё чувствует.

Посмотрев на бабушку круглыми глазами, Лина икнула.

Вовка насупился, даже его вечно сияющие глаза потускнели.

Им явно не хотелось идти на это прощание.

– Чего сидишь? – обратилась ко мне Фая Гавриловна. – Одета ты чистенько. Идём с нами.

Я покачала головой.

Лина и Вовка смотрели на меня так умоляюще, что я сда-лась. Закрыв книжку-раскраску, сложив карандаши в пенал, отряхнула платье.

– Почему Рая тебя не взяла? – полюбопытствовала Фая Гавриловна. – Она не права. Детей надо с детства приучать к тому, что смерть – неотъемлемая часть жизни. Да и обряды необходимо соблюдать.

Мы молчали. В свои шесть лет не понимали её. Смерть нам представлялась чем-то настолько жутким, что не хоте-лось даже думать о ней.

Лина разделила букет белых колокольчиков, вручила несколько веточек мне.

Возле дома Даниловых оказалось много народа, кажет-ся, здесь находились все хуторские. Фая Гавриловна провела нас сквозь толпу ближе к гробу.

– Положите цветочки с краю, – легонько подтолкнула она нашу троицу.

На одеревеневших ногах я приблизилась к гробу, приту-лила свой букет к атласному бортику. Не хотела смотреть на Сабрину, косилась лишь на её нарядное красивое платье, но меня так и тянуло глянуть неё. Бросив взгляд на застывшее, словно мраморное лицо покойницы, я испуганно метнулась в сторону. Сердце билось рвано с перебоями. Сабрина жи-вая и мёртвая – два разных человека. Хотя в силу возраста я не общалась с ней близко, в детстве разница в четыре го-

да огромна, знала, что эта девочка весёлая и подвижная, а тут передо мной лежала восковая кукла. Прислонившись к стене дома, я пыталась отдышаться. И тут среди детей, которых тоже привели бабушки или мамы, увидела спокойно стоящую Сабрину. Она была почти прозрачной, я заметила, что сквозь её тело вижу заплаканную Стасю. Видимо, я так тарасилась то на Сабрину, лежащую в гробу, то на её же стоящую в толпе, что своим безумным видом обратила на себя внимание Вовкиной матери.

– Анечка, тебе плохо, – ласково спросила она. – Пойдём, отведу тебя к бабушке Рае.

Я уже хотела сказать тёте Клаве, что вот там стоит живая Сабрина, как заметила рядом с ней незнакомую старуху, одетую в чёрное платье. У неё было землистое лицо, блёклые, почти белые глаза, впалые щёки и полуоткрытый щербатый рот. Вперив в меня сердитый взор, старуха погрозила кривым пальцем. А потом произошло неожиданное. Старуха взяла Сабрину за руку, и повела прямо через толпу к открытой калитке. Они проходили сквозь тела людей, не встречая препятствия на своём пути. Затаив дыхание я наблюдала за этим зловещим шествием, уже догадываясь, что вижу мёртвых. Возле калитки старуха остановилась. Найдя меня взглядом, приложила палец к губам, приказывая молчать. Слова, которые я хотела произнести, застряли у меня в горле.

Подведя к бабушке, тётя Клава передала меня ей.

– Раиса Устиновна, возьмите Анечку, кажется вашей де-

вочке плохо.

Бабуля всплеснула руками.

– Ты зачем здесь появилась? Я же тебя дома оставила.

Я едва слышно прошептала:

– Меня бабушка Фая привела.

– Вот я ей задам, – пригрозила бабуля.

Мы пошли домой. Я еле переставляла ноги. От охватившего меня потрясения, кружилась голова. Теперь я понимала: все те странные люди, которые встречались мне прежде – мертвецы. И увиденный мной однажды на реке полупрозрачный молодой мужчина с горящим от злобы взглядом тоже мёртв, ведь кроме меня на него никто не обращал внимания. Даже издали я ощутила, исходящую от него угрозу, и в тот день отказалась купаться. Мне хотелось задать бабуле кучу вопросов, но я молчала, помня страшную старуху.

Вечером к нам в гости пришли Лина и Вовка. Протягивая мне конфеты, подруга пояснила:

– Это нам на поминках дали. Надо их съесть, так ты помянёшь Сабрину.

Взглянув на карамельки и шоколадные конфеты, я почувствовала тошноту. Едва успела забежать за угол дома, как меня вырвало водой.

Ночью мне приснилась Сабрина. Она зашла к нам во двор. С её платья ручьями стекала вода, мокрые волосы прилипли к голове, в глазах застыли слёзы.

– Мне холодно, – произнесла она. – Я хочу домой.

Проснулась я с криком, сердце бешено колотилось в груди, тело мелко дрожало.

Вбежавшая в спальню бабушка, обняла меня, притянула к себе.

– Тихо. Тихо. Это просто кошмар.

Снова уснуть я смогла лишь под утро.

Целую неделю я видела жуткие сны. Наблюдала, как Сабрина задыхается в гробу, то, как выбирается из могилы, разбрасывая комья земли, то бредёт по горло в воде. Я забыла, что такое нормальный сон. И тогда за меня взялась бабуля. Выливая испуг, она сокрушалась:

– Ну Фая, ну удружила.

Ежевечерне она шептала над моей головой молитвы. В комнате пахло горячим воском, льющимся в чашку с заговоренной водой. Пять дней понадобилось ей для моего полного излечения. Я успокоилась, осознала свой страх, задвинула в дальний угол памяти тревожные мысли о смерти, смирилась с тем, что мне суждено видеть недоступное другим. Сон вернулся, но прежней я уже не стала. Скрывала от всех, даже самых близких свою тайну, и это меня тяготило. Постепенно поняла: если вести себя как обычный человек, то призраки тоже не замечают меня. Я удачно пряталась от призрачных существ четыре года. А потом случилось несчастье, заболел лейкемией мой друг Вовка Самохин. Для его лечения понадобились большие деньги. Продав свою двухкомнатную квартиру в Гулькевичи, бабушка Кира перебралась на хутор

к дочери. Она привезла деньги наличкой в Дмитров. Тётя Клава и Вовка находились в больнице, дядя Егор на работе. Опасаясь воров, Кира Семёновна спрятала деньги и прилегла отдохнуть на диван. Отдых оказался вечным. Она умерла тихо во сне. Похоронив старушку, вспомнили о деньгах. Обыскали всё, перевернули вверх дном весь дом, но ничего не нашли.

Я сидела на ступеньках крыльца, слушая цикад, когда сквозь сетку рабицу в синем вечернем воздухе появился белесый силуэт. Покачиваясь, дымная фигура, напоминающая обликом почившую Киру Семёновну, бродила по палисаднику, заламывая руки. Мне показалось, что я слышу печальные стенания, во всяком случае, соседская собака тонко и протяжно завывала. Я встала со ступеньки, пытаюсь разглядеть, что призрак делает среди вазонов с пеларгонией. Возле одного из них она задержалась дольше всего, а потом растаяла. Я знала: Самохины ищут деньги, поэтому предположила, что Кира Семёновна вернулась с того света из-за них. Тут уж было не до скрытности, жизнь Вовки важнее. Спрыгнув на дорожку, я отправилась к Самохиным. Убитый горем дядя Егор сидел за столом на кухне, пытался поужинать. Я посмотрела на его потерянное, несчастное лицо, на холодный суп с пятнышками жёлтого жира на поверхности, на остывший чай и решила.

– Добрый вечер дядя Егор. Как Вовка?

Положив ложку на клеёнку, он закрыл лицо руками.

– Плохо. А теперь, когда денег нет, совсем кранты, – выдохнул он. В суп из-под пальцев закапали слёзы.

– Мне приснилось, что бабушка Кира закопала деньги в вазон с пеларгониями.

Дядя Егор поднял на меня измученные глаза.

– Приснилось?

– Ага. Что вам стоит посмотреть там.

Он тяжело поднялся и, шаркая ногами по деревянному полу, направился к двери.

Пять минут спустя на дне перевернутого вазона обнаружился пакет с деньгами.

– Как я сам не заметил, цветы-то завяли, – покачал он головой. – Твой сон в руку, Анечка. Завтра же повезу деньги в клинику.

Он пошёл в дом, я к калитке. На моём пути встала колышущаяся, будто от ветра, еле заметная в сгущающихся сумерках фигура Киры Семёновны. Приложив руки к груди, она поклонилась мне. В тёмных провалах глаз, словно светлячки, горели крохотные огоньки. Почему-то мне не было страшно, пусть я ощущала от призрака жгучий холод, также почувствовала его признательность. Кивнув головой, бабушка Кира исчезла.

Вовка долго лечился в московской клинике. Домой вернулся лишь спустя полтора года. Я едва узнала в худом, большеглазом, вытянувшемся мальчишке друга детства. Главное, он был жив и здоров.

Глава 2

Я нашла обоих друзей-товарищей, бросивших умирающую девушку на дороге. Пока разыскивала, успела из хорошей девушки превратиться в стерву и шантажистку. Легче всего было найти Ларису Петухову девушку Мирона. Встретиться с ней оказалось неожиданно легко. На следующий же день после дня рождения бабушки я отправилась в Соколовку, где жила Лариса с родителями. Я закончила ту же школу, что и она. Её фамилия мне показалась знакомой. Русский язык и литературу у нас преподавала Александра Симонова Петухова, а её дочка, имени я не знала, училась в младших классах. Я резонно рассудила, что это и есть нужная мне Лариса. Так и оказалась. У первой же бабушки, сидящей на лавочке, я выяснила, где живёт учительница литературы. Добравшись до новенького из красного кирпича дома Петуховых, я не поверила своим глазам, обнаружив троицу девушек, стоящих у синих ворот. Ну не может мне так повезти. Выяснилось, что может. Стоило мне подойти к ним и задать вопрос, кто из них Лариса Петухова? Как на меня удивлённо уставились круглые серо-голубые глаза.

– Это я. Что тебе надо?

– Адрес твоего парня Мирона.

Выдув пузырь жвачки, Лариса хмыкнула.

– И всё? А шнурки погладить?

– Обойдусь, а вот адресочек дай.

Лариса поглядела на подруг, улыбнулась.

– Хоть Мирон и мой бывший, но кому попало, давать его адрес не собираюсь. Кто ты такая?

– Внучка бабушки Раи из хутора Дмитров. – Я уже поняла просто так, Лариса не даст мне адрес, придётся воспользоваться авторитетом бабули и припугнуть девушку. Но сначала попробую надавить на её совесть. Для этого выложу все карты.

– Двенадцать месяцев назад Мирон и его дружок на мотоцикле сбили Настю Данилову. – По расширенным глазам и открытому рту Ларисы стало понятно, что она знает. Окинув Петухову презрительным взглядом, продолжила: – Сбили и уехали. Покинули место преступления, не вызвав скорую. За непредумышленное убийство Мирону грозит два года, за оставление без помощи ещё годик добавят. Его дружку поменьше: одним годом отделается. А по тебе, дорогуша, за несообщение о преступлении тоже тюрьма плачет.

– С чего ты взяла, что я знаю об аварии, – пропищала, бледнея, Лариса.

Её подруги переглянулись между собой.

Я усмехнулась. Сложив руки на груди, холодно посмотрела на неё.

– Я же сказала, чья внучка.

Была уверена, о моей бабуле знали не только в Соколовке. Так и оказалось.

Лариса судорожно сжала пальцы в замок.

– Ты тоже ведьма?

– Ага. Поэтому я всё знаю. И советую быстренько написать адреса ребят на листочке. – Выудив из сумки блокнотик и ручку, всучила ей.

– Для чего это тебе? – произнесла Лариса, закусывая верхнюю губу. – Я не доносчица. Полиция же не в курсе...

– Пока нет. Поэтому я прошу их адреса. Должна убедить ребят добровольно пойти в полицию. Думаю, им это зачтётся.

– Я спросила, для чего тебе лично?

– Восстановить справедливость. Они забрали чужую жизнь и спокойно живут дальше, а несчастная Настя лежит в земле.

– Они раскаиваются, – пробормотала Лариса. – Очень раскаиваются. Можно всё оставить как есть? Если хочешь найти их, ищи сама, помогать не стану.

Я старалась не показать ей, что расстроена и не знаю чем ещё надавить на неё. Судя по всему, моей якобы ведьминской природы она не опасалась.

Подруги Ларисы смотрели на неё осуждающе, но молчали, не вступая в разговор.

– Скажи, что начну её преследовать, она не будет знать покоя, – прошептала невидимая Настя.

Вчера вечером помелькав в окне кухни, она заявила в мою спальню, поболтать. Видите ли, ей скучно, давно ни с

кем не беседовала. Я еле прогнала, пообещав, что завтра же займусь поисками убийц. Настя исчезла, а я ещё долго лежала в темноте без сна.

– Не станешь помогать? Зря. Призову Настю и тогда я тебе не завидую, – пригрозила я, боясь, что это не сработает с упрямой Петуховой.

Услышав дикие крики и визг, повернула голову. Рядом со мной стояла невеста в самом жутком виде: в окровавленном разорванном платье, со страшными почерневшими ранами на лице и руке. Когда Настя запрокинула голову, на шее открылась ещё одна зияющая рана – сквозь запёкшуюся кровь из отверстия на коже полезли белые опарыши.

Заорав ещё громче, дрожащие девицы, буквально влипли в железные ворота.

– Я напишу адрес. Напишу. Только убери её, – заскулила Лариса.

Я махнула Насте, мол, скройся, хватит их пугать. Не хватало ещё довести девушек до обморока. Зловеще улыбнувшись, призрак растаял.

– Давно бы так, – пробурчала я, кивая на ручку и листок в руках Ларисы. – Подробно. Фамилии, имена, где учатся или работают, домашние адреса.

– Я знаю только адрес Мирона, где живёт Клим Степанов не в курсе, – вымученно пробормотала Лариса.

– Пиши, что помнишь. И номер телефона не забудь. Кстати, каких девушек твой бывший парень предпочитает блон-

динока или брюнеток?

– Светленьких. Зачем тебе это?

Я фыркнула.

– Надо. А ты у нас блондиночка. Получается, точно в его вкусе.

Лариса нахмурилась.

– Я его бросила. После школы поступила учиться в институт в Краснодаре. Зачем мне какой-то электромонтажник, получше себе найду.

«Быстро же она очухалась от потрясения», – подумала я и посоветовала:

– Ну-ну, флаг тебе в руки, барабан на шею.

Забрав листок у Ларисы, сунула его в сумку. Сев на скутер, отсалютовала бледным до синевы подружкам.

Проехав до середины улицы, ощутила лёгкое головокружение и слабость.

– Настя, ты тут? – Что-то мне подсказывало моё состояние напрямую связано с её эффектным появлением на публике.

Я ожидала её увидеть, но не так. Настя проявилась в полёте рядом с едущим скутером. Она реально летела в воздухе, как большая птица, разве что руками не махала. Я едва сдержала возглас. Кто там сказал, кажется, Катерина из «Грозы». «Почему люди не летают, как птицы?» Вполне себе летают, если они призраки.

– Твоя вина в моём неважном самочувствии? – поинтересовалась я.

– Извини, что не сказала сразу. Материализуясь перед другими людьми, я трачу много энергии. Чтобы восстановиться, мне нужно долго пробыть в безвременье. Именно поэтому на той дороге меня видели только очень чувствительные к потустороннему миру люди. Чтобы меня заметили обычные люди, приходится, использовать весь запас, но теперь у меня есть ты, мораница. Я могу подключаться к тебе и напитываться энергией, поэтому на короткое время баланс твоего организма нарушается.

– Так! – рассердилась я. – Сделала меня личной батареей? Что еще скрыла?

– Я не скрыла, а просто запомнила. Зато смотри как быстро, мы вместе раскололи Лариску. – Настя захихикала. – Я вспомнила фильмы ужасов и хотела изобразить, будто у меня отваливаются куски тела, но не вышло. Пока не умею. А вот с червями классно получилось. Скажи же?

– Да уж даже меня затошнило. Погоди, – спохватилась я, – ты и сейчас мою энергию скачиваешь. Ведь я тебя прекрасно вижу.

– С этим надо что-то делать, – проворчала Настя. – Поговори с бабушкой Раей, расспроси её о мораницах. Ты такая невежественная в этом вопросе.

Я аж зашипела от злости.

– Ты и при жизни была такой вредной? Не увиливай, ответь, снова тянешь мои силы?

– Нет, не тяну. У тебя дар видеть мёртвых. Для того, что

ты меня узрела, мне не нужно тратить энергию. А вот для появления перед рядовыми невидящими людьми она нужна. Признай, у нас неплохой тандем намечается.

Пришлось согласиться, без Насти я бы не справилась с Ларисой.

Призрак ловко взмыл ввысь и понёсся впереди скутера.

Я усмехнулась. Создавалось впечатление, что Настя сейчас вполне довольна своим положением и даже наслаждается этим. Перед магазином она спикировала вниз ко мне.

– Остановись. Купи шоколадку или обычный сахар. Съешь и силы вернуться. Чтобы мораница полностью лишилась энергии, нужно материализовать толпу призраков. Так что не парься, одна я для тебя – чепуха.

Не стала спорить с Настей, купила пять шоколадок, одну слопала, остальные сунула в сумку про запас. Удивительное дело только вчера начала общаться с Настей, а уже свыклась с ней. Недаром говорят: человек ко всему привыкает.

Посмотрев на дисплей телефона, прикинула, что вполне успею смотаться в Гулькевичи на поиски Мирона. В воскресенье он мог быть дома. Открыв листок с каракулями Ларисы, прочитала его, запомнила адреса обоих парней. Набрав номер телефона Зайцева, прослушала долгие гудки и неприятное: номер больше не обслуживается.

На волне первого успеха и некоторой эйфории, мне казалось, что и дальше будет везти. Немного подумав, вырвали на дорогу. Через полчаса я уже притормаживала возле

неприметного старого дома Зайцевых. Я думала, такие постройки прошлого века из бутового камня есть только у нас в хуторе, да ещё в некоторых селах. Домам из этого природного камня не меньше века и выглядят они почти одинаково: приземистые с маленькими окнами, но высоким фронтоном. У них большая толщина стен, поэтому хорошо сохраняют тепло зимой и прохладу летом. Мы с бабушкой живём в таком доме и успешно обходимся без кондиционера. Позаглядывая во двор через штакетник, я постучала по калитке. На стук из будки выскочил лохматый чёрный пёс. Не знаю, что это чудо могло разглядеть, на глаза ему нависала густая шерсть, ею полностью заросла вся морда, а сам он напоминал круглый мохнатый клубок. Но меня собачень заметил, потому что звонко залаял. Из дома вышла женщина лет пятидесяти.

– Кто там?

Мне так хотелось сказать: сто грамм, но я понимала, шуточки сейчас неуместны.

– Здравствуйте, позовите, пожалуйста, Мирона.

– А его дома нет. На три дня укатил в Сочи. А ты его очередная дурында? Ох, и девки пошли, сами на шею парню вешаются. С одной умотал отдыхать, другая в калитку ломится, – проворчала женщина.

– Я по делу.

– Знаю я ваши дела. Совсем совесть потеряли.

Я не стала обижаться на её слова, вдруг, и правда, на этого Мирона девушки гроздьями вешаются.

– Будьте так добры, подскажите Климу Степанову тоже в Сочи.

– Почём я знаю, – буркнула женщина и вошла в дом, хлопнув за собой дверь.

– Зачем тебе Климу понадобился, – услышала я голос позади себя.

Обернувшись, увидела высокого, русоволосого, приятного на вид парня. Даже кривой, видимо, прежде сломанный нос его не портил.

– У меня к нему и Мирону серьёзный разговор. Ты в курсе, где Климу.

Подойдя ближе, парень с лёгкой усмешкой оглядел меня. В его зелёных с коричневым ободком глазах светилось любопытство.

– В курсе. На рыбалке. Вернётся поздно вечером. Чем-то могу тебе помочь?

– Нет. Мне очень нужно пообщаться и с Мироном, и с Климом. Можешь сказать, где лучше их застать?

– Не хочешь объяснить, зачем они тебе? – парень улыбнулся. Чёрные густые брови сдвинулись к переносице.

– Это касается только их.

– Так я для пацанов не чужой, – кивнув на соседний дом, парень протянул мне руку. – Марк Антонов, приятно познакомиться. Я друг Мирона.

Пожав руку, тоже улыбнулась.

– Анна Тимофеева. Можешь дать номер телефона Миро-

на. Лариса Петухова сообщила, но он оказался недействующим.

– Лариска? А-а-а это та девчонка, что перед Ниной и Марикой у него была, – протянул Марк.

– Я смотрю у твоего друга бурная личная жизнь, – усмехнулась я. – Впрочем, мне пофиг. Так что там с телефоном.

– Намекни хотя бы, зачем тебе Мироша? Вдруг ты тоже его бывшая и хочешь скандал закатить, – произнёс Марк, сияя во все тридцать два зуба.

– Я его ни разу не видела, но дело к нему имеется. Неужели его номер что-то настолько секретное?

– Взамен свой дашь? Тогда Мирошин получишь.

Я уже начала раздражаться. Марк явно заигрывал со мной. И это было для меня несколько непривычно. Не то чтобы на меня мужской пол совсем не обращал внимания, всё-таки я девушки симпатичная, но вот так на ходу никто не знакомился.

– Хорошо.

Продиктовав свой и получив в ответ номер Мирона, села на скутер.

– Я тебе позвоню, – услышала вслед.

Помахав Марку рукой, отчалила от двора Зайцевых.

Появившись у себя дома, первым делом задала бабуле вопрос:

– Кто такие мораницы?

Раиса Устиновна растерялась.

– Откуда ты о них знаешь?

Я не стала больше ничего скрывать и всё рассказала о встрече с Настей, о поисках её убийц.

Покачав головой, бабуля грустно произнесла:

– Вот чувствовала в тебе способности, только не понимала какие. А они оказались противоположные моим. Ты и не могла лечить, твой дар не для живых, для мёртвых. Теперь понимаю, отчего ты не смогла остановить кровь у Марии Сафроновны.

Я вспомнила тот давний случай. Соседка в огороде наступила на брошенную остриём вверх сапку, разрешила ногу. Кое-как замотав конечность, она приковыляла к нам. Бабуля позвала меня и потребовала заговорить кровь, бегущую из-под намочшего платка. С десяти лет она просила меня учить заговоры и молитвы, и чтобы её не расстраивать, я их вызубрила. Пару раз она пыталась приобщить меня к лечению, но ничего не получалось. С соседкой бабуля рискнула попробовать ещё раз.

– Всё помнишь? – подтолкнула она меня к Марии Сафроновне, держащей ногу на табуретке.

Я присела на корточки и быстро произнесла нужные слова. И опять у меня не вышло.

Бабуля подвинула стул к табуретке, положила пальцы на намочший от крови платок, едва слышно прошептала заговор. Спустя минуту, кровь перестала капать на пыльный бетон двора. Размотав платок, она выбросила его в мусорное

ведро. Приказала принести аптечку. Когда полила переки-
сью на рану, вытерла салфетками кровь, показался ровный
аккуратный разрез. Кровь из раны больше не текла.

– Хочешь сказать, что я, правда, мораница? И Настя ни-
чего не выдумала?

Бабуля подняла на меня погрустневшие глаза.

– Только мораницы могут общаться с мёртвыми. В нашем
роду уже были такие как ты. Это как две ветви одного дере-
ва: лекари и мораницы. Только на разных полюсах. Не хоте-
ла я б такого дара тебе, трудный он и тяжёлый. Сталкиваться
с болью и смертью, веселого мало, но уже ничего не поддела-
ешь. Прошу только об одном: будь осторожна. Не встречай-
ся с этими парнями наедине или в безлюдном месте, только
там, где будешь в безопасности. Обещаешь?

– Обещаю. Я же у тебя не дурочка.

– А знаешь, это хорошо, что ты скрывалась столько
лет. Успела вырасти, упрочить дух, поумнеть – теперь при-
нять способности легче. А если бы это случилось раньше,
неокрепшая психика могла бы и не выдержать. Так что ты
всё правильно сделала, внученька.

Оставшись довольна похвалой бабули, я успокоилась.

Остаток воскресенья провела с пользой, убрала во дворе,
прополола палисадник.

В понедельник утром встала рано, чтобы успеть в город
на работу.

Прощаясь, бабуля ещё раз напомнила мне об осторожно-

сти. Уверила её, что я сама осмотрительность.

В детском саду всё было по-прежнему. На любимой работе я отдыхала душой. Мне не мешала и не раздражала даже присмирившая Настя, время от времени появляющаяся на качелях детской площадки.

Выждав три дня, после работы я набрала Мирона.

– Добрый день, я Анна и мне нужно с тобой срочно встретиться.

– Кто ты такая? Что тебе от него нужно!? – послышался в трубке агрессивный женский голос. – Если ты не в курсе, то у Мира есть девушка и это я. Так что отвали от него!

От неожиданности я оторопела. Глянув на экран, убедилась: позвонила точно Зайцеву. Означало одно: трубку взяла Марика, так, кажется, Марк назвал новую девушку Мирона.

– Чего молчишь? Язык проглотила? Я уже знаю, что одна фифа разыскивает его. Вот что тебе скажу, не звони ему больше.

– погоди, – успела я вставить слово, пока ревнивица не отключилась. – Мне очень нужно поговорить с ним. Я его не знаю, да и он меня ни разу не видел.

– О как! О чем тогда можно разговаривать?

– Это уже моё дело. Просто скажи ему перезвонить по этому номеру.

– Ага, щас разбежалась.

Посмотрев на сброшенный звонок, вздохнула. Ладно, начнём со Степанова. Клим ответил сразу.

– Слушаю.

– Здравствуй, я Анна Тимофеева у меня к тебе и Мирону срочное дело.

– Дело? А ты кто? – перебил меня Клим.

– Неважно. Просто человек. Главное, я в курсе, что год назад за перекрёстком на мотоцикле вы сбили Настю Данилову.

– Какого! – Воскликнул Клим. – Что тебе от нас нужно?

– Встретиться с вами и поговорить.

– Шантажировать собралась? У тебя ничего не получится. А знаешь почему? Потому что мы никого не сбивали.

– Та-а-а-ак, – протянула я. – Слушай сюда. – И подробно поведала, как Мирон схватил Настю за сумку, как девушка упала и они протащили её по асфальту, а потом, бросив на обочине, сбежали с места преступления.

– Не может быть! – услышала я сдавленный голос Клим. – Там никого не было ... дорога пустая...

– Ошибаешься, один свидетель имеется. И поверь, он самый важный. Вам не отвертеться. Повидаетесь со мной, и я подскажу, как уменьшить наказание. Если не захотите, сама пойду в полицию и тогда вам впаяют по полной, – блефовала я.

– Если это не шантаж, что ты хочешь от нас.

– Я же сказала увидиться и поговорить.

В трубке слышалось лишь тяжёлое дыхание моего собеседника. Потом Клим произнёс:

– Будь, по-твоему. Встретимся сегодня в парке возле фонтана.

– Нет. Парк мне не подходит. Предлагаю на центральной площади.

– Как мы тебя узнаем?

– Я сброшу фотку на твой телефон. В шесть вечера жду вас, и не опаздывайте.

– Стой. Давай в семь. Мы сейчас на объекте и не успеем к шести, – попросил Клим.

Я согласилась. Как выглядят Мирон и Клим я уже знала, отыскивала их странички в ВК. Зайцев красивый brunet с прозрачными светло-кариими глазами, правильными чертами лица и хорошей фигурой. Степанов блондин с серыми глазами, худой, нескладный, немного сутулый. Странички обоих заполняли картинки мотоциклов, пикники на природе с девушками, фото из клубов и спортзала.

К площади я приехала без десяти минут семь. Поставив на стоянку Кобру, отыскивала скамейку неподалёку от памятника Воинам-освободителям. С этого места хорошо просматривалась аллея по обе стороны, которой росли высокие ели. Ждать пришлось недолго, ровно к назначенному времени на площади появилась троица ребят. К Мирону и Климу присоединился Марк.

Приблизившись ко мне, парни встали напротив скамейки. Я поднялась.

– Говори, – без предисловий начал Мирон, щуря свет-

ло-карие почти жёлтые, как у кошки, глаза. Я смотрела на него и не видела на лице ни капли сожаления или раскаяния. Словно это не он виноват в смерти Насти, а кто-то другой.

– Всё просто, – Я откинула рукой чёлку, упавшую на лоб. – Идёте в полицию, признаётесь в содеянном. За сдачу с повинной вам скостят срок, может, даже дадут условно или назначат общественные работы.

Мирон наклонился ко мне, цыкнул сквозь зубы.

– И где же твой свидетель? Думаешь, поверим на слово и побежим сдаваться?

Я перевела взгляд на Степанова. А вот он не выглядел таким же уверенным в себе. На висках и на лбу блестели капельки пота, хотя вечер не настолько душный. Глаза растерянно бегали с меня на друзей.

Марк наблюдал за всем с толикой интереса и не более.

– Если я покажу своего свидетеля, вам это точно не понравится. – Уставилась я на Мирона сердито. – Это ведь ты схватил Настю за сумку. – Татуировка на руке в виде скорпиона подтверждала слова призрака. – Объясни, почему так поступил?

Мирон сглотнул слюну.

Клим ещё сильнее ссутулился. В серых глазах отразилась боль. Кажется, в отличие от друга, он казнил себя за ту аварию.

– Скажу, раз так интересно, – проворчал Мирон. – Всё равно слова к делу не пришьёшь. Я не желал навредить де-

вушке. Хотел пошутить, сорвать сумку, а потом отдать её за номер телефончика. Сам не ожидал, что она упадёт. Так растерялся, что не выпустил сразу эту долбаную ручку. А тут ещё Клим добавил газу, мы протащили её несколько метров по дороге. А потом... потом... подошли к ней.

Краем глаза я косилась на Клима. Он дрожал, вероятно, вспомнил, как выглядела Настя

Мирон сжал пальцы в кулаки.

– Я с первого взгляда понял: она мертва. От страха не соображал, что делать. Думаешь, мне её не жалко?

Я усмехнулась.

– Но своя шкура оказалась ближе. Вы просто сбежали, как трусы. А потом жили себе спокойно.

Глаза Клима повлажнели.

Мирон зло засопел.

– Спокойно жили? Клим до сих пор к психологу ходит, а я со снотворным засыпаю.

Я усмехнулась.

– Мне вас пожалеть? Не дождётесь. Ты вот с девушками развлекаешься, а Настя навсегда осталась шестнадцатилетней. В общем, если у вас хоть капля совести имеется, то вы признаетесь в том, что сделали год назад.

– Я пойду в полицию, – пробормотал Клим. – На всё согласен, если мне после этого легче станет. Сто раз готов просить прощения у Насти, но она уже не услышит. Надо было вызвать скорую, а не бросать девушку на дороге.

Я улыбнулась. Степанов не совсем потерянный человек.

– Поверь мне. Она тебя слышит.

– Издеваешься! – рявкнул Мирон. – Клим, какого хера ты разнюнился. Не понимаешь что ли, она нас на понт берёт. Свидетель у неё. Пусть предьявит. Я не виноват, это несчастный случай.

– А мне всё равно. Я пойду, – заупрямился Клим.

Мирон с силой сжал узкие плечи друга.

– Только о себе думаешь! Конечно, ты лишь скорую не вызвал, а я убил девочку. Пусть нечаянно, по глупости, но убил. Как думаешь, кому больше дадут? Не хочу в тюрьму! Девушку уже не вернёшь. Почему я должен мучиться?

– Может, потому, что это справедливо: понести наказание, – выпалила я

– Тебе какое дело? – поинтересовался Марк.

– Прямое. Я заинтересованное лицо в том, чтобы эта парочка раскаялась.

Клим вытер мокрые глаза.

– Я казнию себя.

Мирон покачал головой.

– Мне тоже жаль, но я не могу ничего исправить. Время назад не повернёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.